

ИМПЕРСКИЙ  ДЕТЕКТИВЪ

ЕВГЕНИЙ СУХОВЪ

МЕДВЕЖАТНИКЪ



МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Медвежатник / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2018. — 416 с. — (Имперский детективъ).

ISBN 978-5-04-095930-3

Алая роза и записка с пожеланием удачного сыска — вот и все, что извлекают из очередного взломанного сейфа московские сыщики. Медвежатник дерзок, изобретателен и неуловим. Генерал Аристов — сам сыщик от бога — пустил по его следу своих лучших агентов. Но взломщик легко уходит из хитроумных ловушек и продолжает «щелкать» сейфы, как орешки. Наконец удача улыбнулась сыщикам: арестована и помещена в тюрьму возлюбленная и сообщница медвежатника. Генерал понимает, что в конце концов тюрьма — это огромный сейф. Вот здесь и будут ждать взломщика его люди.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-095930-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть I

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Глава 1

Банк в Староконюшенном переулке был ограблен в канун Пасхи.

Седьмое ограбление за последние два месяца! Взломщик действовал искусно: замок не поврежден, не поцарапан. Из темного нутра сейфа, как и в предыдущих случаях, извлекали алую розу и коротенькую ехидную записочку с пожеланием удачного сыска.

«Московские ведомости» с ликованием извещали о том, что из банка было похищено около двухсот тысяч рублей золотом и ассигнациями. Но только управляющий и начальник московского сысского отделения знали, что денег было в четыре раза больше. Украденной суммы вполне хватило бы, чтобы скупить все товары у Мюра и Мерилиза.

Недоумение среди московских банкиров усиливалось еще и оттого, что все сейфы были английской работы, каждый из которых изготовлен по специальному заказу. Мастера убежденно уверяли, что каждый образец сейфа эксклюзивен, что подобрать ключ к замкам невозможно. Владельцы бан-

ковских домов грозились, что подадут на английскую фирму в суд, а председатель клуба банкиров, господин Алябьев, во всеуслышание заявил, что не подаст управляющему корпорации на милостыню даже пятака, когда российские финансисты разорят его до основания.

Председатель Императорского государственного банка господин Мухин предложил через «Ведомости» грабителям премию в двести пятьдесят тысяч разового вознаграждения, если они сумеют укрепить двери его сейфов и подскажут секрет, перед которым была бы бессильна самая хитроумная отмычка. Однако неизвестный медвежатник хранил молчание, а Департамент полиции Москвы с тревогой ожидал сообщения о новом удачном ограблении.

И восьмое ограбление произошло.

В этот раз вскрыли сейф Торгово-сырьевой биржи, соседствующей с оранжереей. Среди ухоженных аллей был вырыт подземный ход, который привел в бронированную комнату хранилища. Стало ясно, что красные розы, найденные в выпотрошенных сейфах, доставлены заботливым «садовником» из уютных теплиц цветочного питомника.

По городу пополз слухок, что сам император обратил внимание на дерзкую кражу и немедленно сделал внушение министру, пожелав, чтобы ограбление было раскрыто в кратчайшие сроки. Раскрытие преступлений было поручено начальнику розыскного отделения Департамента полиции Москвы генералу Григорию Васильевичу Аристову. Граф Аристов был очень крупным мужчиной, с широким разворотом плеч; удлиненное сухощавое лицо окаймляла коротенькая темная бородка. Слегка седоватые виски вовсе не старили его, скорее наоборот — подчеркивали молодость, и сам он больше напоминал актера какого-нибудь столичного театра, нежели полицейского.

Григорий Васильевич утопал в огромном кожаном кресле, его большие сильные руки уверенно покоились на широких подлокотниках. Час назад Аристов имел нелицеприятный разговор с директором Московского департамента полиции Ракитовым, который в резкой форме выразил свое неудовольствие работой подчиненного и откровенно заявил, что тому больше подойдет быть классной дамой и воспитывать благородных девиц, чем возглавлять уголовную полицию. Это высказывание было не просто обидным, оно указывало на крайнюю степень раздражения.

Григорий Васильевич поднялся и, заложив руки за голову, прошелся по просторному кабинету. Восьмое ограбление кряду за два месяца — и никаких улик! Ясно одно: преступник умен, дерзок и не лишен изобретательности. А эта его выходка со стыдливой красной розой в глубине сейфа указывает на романтические струнки его души. Что же он придумает в следующий раз? Определенно, он не лишен романтизма.

Григорий Васильевич выглянул в приемную.

— Что прикажете, ваше превосходительство? — подскочил к Аристову адъютант.

— Кучера поторопи, да чтобы трезв был. Ежели пьян будет, пригрози, что продержу его под арестом, — поморщился Григорий Васильевич, вспомнив, как в прошлый раз Яшка без конца пытался рассказать ему о своей состарившейся жене и так яростно дышал ему в лицо, что даже через неделю ему казалось, будто бы от сюртука пахло застойной сивухой.

Пролетка стояла у самой лестницы, и Аристову достаточно было взгляда, чтобы понять — кучер пьян.

— Нализался, скотина, — беззлобно уронил Григорий Аристов, шагнув в удобную коляску.

— Истинный бог нет! — искренне божился Яшка. — Да разве я бы посмел! Да за такое жалованье, как у вас, можно век без питья прожить.

— Ладно, наговоришь тут... Трогай давай, а то, не ровен час, я вместе с тобой захмелею. А пьянеть без вина обидно.

Подкоп был небольшой, его трудно было заметить даже вблизи. Лаз прикрыт ворохом увядших цветов, а земля вокруг была тщательно утоптана. Тоннель сначала уходил на пол-аршина вниз, а потом терялся за каменной стеной темной зловещей норой.

Аристов заглядывал в черный проем, брал куски глины и песка в ладонь, уверенно разминал их пальцами. Рядом суетился смотритель оранжереи — тучный, невысокого роста господин, — он в точности повторял все движения главного сыщика Москвы, заискивая еще заглядывал в лицо.

— Так вы говорите, что пару недель назад взяли на работу садовника?

Григорий Васильевич обращать ко всем исключительно любезно, и чем раздражительнее он бывал, тем речь его становилась изысканнее. Подчиненные уже успели отметить в нем эту черту и злорадно называли Аристова «ваша любезность».

— Именно так, — подкатился смотритель к самым ногам Григория Васильевича.

— Выходит, этот подкоп он соорудил всего лишь за несколько дней?

— Именно так, — подхватил смотритель и, согнувшись, подобрал с лаза кусок земли, который мгновенно просыпался на его белые брюки.

— Как же это вы, голубчик, не заметили, что у вас под носом творится?

— Да разве за всем уследишь? — мгновенно покрылся испариной смотритель. — Оранжерея большая.

— Как же вы его не распознали сразу?

— Он очень хорошо разбирался в цветах. Показал диплом и рекомендательные письма, убедил меня

на этом участке сада разбить оранжереи, а для этого клумбу нужно будет основательно разрыть. Но скажите, разве я мог подумать о том, что вместо пересадки растений он занимается подкопом в банк?!

— Предположить такое трудно. — Аристов чиркнул спичкой и осветил темный зев. — Сухая щепка ярко горела, и желтый мерцающий свет веселым бесенком прыгал по крутым стенам. — Так что собой представлял ваш садовник? Какого он был роста? Вы запомнили цвет его глаз?

— Рост у него немножко выше среднего, худощавый, с бородкой. Глаза как будто бы светлые. Обыкновенный такой.

— Не такой он обыкновенный, если сумел отомкнуть восемь сейфов английской работы, не оставив при этом даже следа. Цветы, оставленные в сейфах банков, были из вашей оранжереи.

— Неприятно-с!

Григорий Васильевич осторожно обошел кучу вырытой земли и стал подниматься по высоким ступеням банка.

— Может, вы заметили в нем что-нибудь необычное?

— Необычными у него выглядели руки. Они совсем не напоминали руки садовника. Обычно у человека, который роется в земле, они грубоваты и темны, а у него ладони были чистые и белые, как у пианиста.

Тоннель выходил к двери сейфа, гостеприимно распахнутой, а о самый край металлического каркаса, задрал пушистый хвост, чесался огромный серый кот.

Единственным неохраняемым местом в банке была именно стена со стороны оранжереи, неудивительно, что преступник предпочел именно ее. У остальных трех стен круглосуточно стояли жандармы.

— Английский замок, — шире приоткрыл дверь Аристов. — Он их открывает так, как будто орехи

щелкает. — Достал лупу и стал тщательно изучать замочную скважину. — Никаких царапин!

Смотритель близоруко сощурил глаза и приблизил широкое лицо вплотную к двери, но не сумел рассмотреть ничего, кроме махонького паучка, который с отчаянностью скалолаза свешивался на прозрачной паутине.

Год назад Павел Алексеевич Завируха возглавил Ботанический сад. Предстоящая работа среди цветов и деревьев виделась отдыхом перед ночным бдением и игрой в карты. В тихом уюте оранжереи можно было спрятаться от кредиторов и безболезненно пережить похмелье. Кто мог предположить, что судьба способна выдать ему крепкую оплеуху! За сегодняшний день он уже не однажды пожалел, что выложил взятку за это сомнительное место. Совсем глуповато выглядел его поступок — отказ от места директора Сандуновских бань.

— Искусный пройдоха, — хмыкнул Павел Алексеевич и небрежно сорвал с двери паутину. Паук, свернувшись комочком, упал на пол, а потом обиженно заторопился в темный угол.

— Позвольте мне с вами не согласиться. Он искусный мастер! — Аристов медленно водил лупой по краю двери. — Я бы даже сказал — талант! Этот английский замок невероятно сложной работы, но он запросто подобрал к нему ключик. В каждом ограблении подбирал ключ индивидуально. Он не только изобретателен, он еще и трудолюбив.

Все восемь ограблений были поразительно похожи друг на друга, как розы, срезанные с одного куста. Григорием Васильевичем уже была допрошена масса свидетелей, и едва ли не каждый из них утверждал, что видел накануне ограбления у самого банка высокого шатена в возрасте тридцати пяти лет, одетого в серый костюм из дорогого английского твида, в ру-

ках он держал тяжелую трость с набалдашником из белой кости. Лицо худощавое, подбородок скрывала густая черная борода. Аристов раскладывал перед свидетелями целый ворох фотографий, но среди массы насильников и убийц никто не увидел изысканного господина, одетого в дорогой костюм по последней французской моде. Не дали результатов дактилоскопические оттиски.

Глава 2

— Ты должна выполнить все в точности. Ты поняла меня?

— Да, Савушка, — тихо отвечала девушка, и улыбка, такая же тревожная и неуловимая, как полет бабочки, едва коснулась ее губ.

— Лиза, ты должна быть неприступной и кокетливой одновременно.

— Он уже потерял из-за меня голову.

— Этого нам не нужно. Просто задержи его на полтора часа. Поиграй с ним, пококетничай, позволь ему коснуться обнаженного локтя. Он должен забыть обо всем.

Девушка слегка сжала губы, сделавшись серьезной. Сейчас она напоминала прилежную институтку, трепетно внимавшую строгим речам наставника.

— Поняла, я постараюсь выполнить все в точности!

— Опоздай минут на десять. Это должно произвести неплохое впечатление, покажи, что ты знаешь правила хорошего тона.

Аллеи Тверского бульвара в этот полуденный час были прохладными и спокойными. Совсем иное вечерние сумерки, когда сюда съедется все высшее общество Москвы, чтобы обменяться последними светскими новостями и заполучить приглашение на званые обеды. Тверской бульвар делается тесным от наплыва молодежи: каждый молодец считает для себя

обязательным прокатить по Тверской на легкой пролетке раскрасневшуюся от смущения барышню!

— Проводи меня немного!

Молодой человек слегка взял девушку под руку и неторопливым шагом повел вдоль аккуратного строя берез в сторону Триумфальных ворот.

— Дальше я сама. — Девушка мягко высвободила руку и, помахав на прощание узенькой ладошкой, спрятанной в белую перчатку, ускорила шаг.

Молодой человек некоторое время смотрел вслед удаляющейся барышне, как будто надеялся уловить ее прощальный взгляд, окликнул проезжавшего извозчика и, присев на жесткое кресло, поторопил:

— К Арбатским воротам! Да поспеши!

— Это я мигом, ваше высокоблагородие! — весело отозвался извозчик и решил потребовать с барина дополнительный гривенник.

Девушка подошла к дверям ресторана «Эрмитаж» в тот самый момент, когда минутная стрелка на Сухаревой башне остановилась на четверти часа.

— Лизанька, голубушка, я уже начал переживать, что вы не придете. — Навстречу Елизавете заспешил невысокий брюнет в черном костюме. На толстой шее, крепко стянув воротник, полыхала ярко-красная бабочка.. — На столе уже стоит шампанское, давно стынет жаркое. Я ведь оставил все свои дела и, как мальчишка, бросился к вам на свидание. Поверьте, со мной никогда такого не было. Если бы вы не пришли, я просто умер бы от отчаяния и тоски!

— Я вам верю, пойдите же скорее, — Елизавета бережно взяла брюнета под руку. — Я страшно проголодалась.

Савелий Родионов остановил пролетку за два квартала от Гостиного двора и, помахивая тростью, пошел вдоль витрин с изображением сцен из мод-

ного спектакля. На углу его окликнул хрипастый голос:

— Барин, подай копеечку. На том свете тебе воздастся за твое благочестие.

Савелий достал пятак и бросил его на мятую грязную шапку нищего.

— На вот тебе, дружок, помолись за нас, грешных.

— Можешь идти, Савелий Николаевич, за тобой никого нет, — зашептал нищий. — У банка все спокойно. Управляющий тоже ушел, а за ним и служащие разбрелись. — Добавил громко, чтобы было слышно на соседней улице: — Доброго тебе здоровьица, век твою милость помнить буду! — Бродяга ловко подобрал монету и так глубоко запрятал ее за широкую рубаху, как будто это был не кружок меди, а слиток червонного золота.

Савелий Николаевич напоминал беззаботного провинциала: заходил в лавки, оглядывался на хорошеньких женщин и был один из многих, заполнивших в этот час центральные улицы. Никто из прохожих не мог предположить, что молодой господин, небрежно помахивающий дорогой тростью, один из самых крупных медвежатников Москвы, сумевший выпотрошить восемь сейфов и сделать нищими трех банкиров.

Гостиный двор клокотал тысячами голосов. К его дверям то и дело подъезжали экипажи и авто. Магазин жил особенной жизнью, совсем не походившей на тихое существование окраинных улиц. Казалось, что в Гостиный двор съехалась вся Москва, чтобы отведать только что испеченных пирожков и прикупить к воскресному столу чего-нибудь вкусенького.

У самого угла длинного здания стояла новенькая пролетка. Кучер, малый лет двадцати, без конца зевал и почесывал гривастый затылок. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: извозчик дожидается хозяина, и еще полчаса такого томления —

и малый сникнет совсем, а затем богатырским храпом заглушит не только крики продавцов, расхваливающих остывшие печености, но и гомон торговых рядов.

Никто из стоявших рядом не обратил внимания на то, как Родионов, проходя мимо, чуть приподнял трость, а извозчик в ответ наклонил голову.

Савелий Николаевич поднялся на высокое крыльцо и уверенно распахнул дверь. Здание было пустынно, и его полутемные коридоры свидетельствовали о том, что жизнь в них замерла до завтрашнего утра. Родионов хорошо представлял каждый уголок здания. Жандарм, стоящий у лестницы, едва посмотрел на вошедшего, а потом, развернувшись, заложил руки за спину и неторопливо поплелся в противоположный конец коридора. Свое присутствие в банке он считал глупой забавой, по его мнению, только безумец способен войти в здание, усиленное не только современными замками, но и снабженное чуткой охранной сигнализацией, — достаточно было легкого прикосновения к металлической ручке сейфа, чтобы по всей округе устроить такой переполох, от которого проснутся даже пожарные.

Савелий поднялся на верхний этаж, открыл набалдашник трости и вытащил из него длинную отмычку с загнутым концом. Уверенно вставил инструмент в замочную скважину, дважды повернул, и дверь отворилась, издав мягкий щелчок. Савелий Николаевич спокойно вошел в комнату, огляделся и осторожно прикрыл за собой дверь. Окна выходили на глухую стену, и, слушая тишину, невозможно было поверить, что за углом располагаются торговые ряды. Этажом ниже помещалась комната с сейфом — достаточно было распахнуть окно и спуститься вниз на три метра по веревочной лестнице, чтобы оказаться как раз напротив форточки. Лестница была подвешена накануне вечером, крепко закреплена на коньке крыши и была такой крепости, что могла выдержать

груз в двести пудов. Савелий знал, что хозяин кабинета ценит здоровый образ жизни и закрывает форточку только на ночь, и сейчас она, словно отворенная пасть, влекла к себе медвежатника. Наиболее опасным местом была сигнализация, которая должна включиться мгновенно, едва он притронется к подоконнику. Но к этому Савелий Николаевич был готов. В банке он бывал неоднократно и от обычного клиента, желавшего заполучить в собственность недвижимость, отличался тем, что внимательно изучал все рубильники и провода, которые, подобно паутине, опутывали здание. В самом углу одной из комнат был щиток, замаскированный под глиняную лепку, контролировавший охранную сигнализацию в доме.

Эту сигнализацию выпускала солидная немецкая фирма «Кайзер». Фирма дорожила своей репутацией, и поэтому установкой занимались только ее собственные специалисты. Полгода назад Савелий Николаевич приобрел такую же сигнализацию, и ему понадобилась неделя, чтобы раскусить все ее секреты. Важно было не коснуться кнопок-ловушек, находившихся по всему корпусу. Родионов извлек из кармана отвертку, осторожно вывернул крышку, а потом выдернул хитроумные петельки.

Теперь, кажется, все.

Потом он распахнул ставни и, ухватившись за веревочную лестницу, шагнул в окно. Осторожно, стараясь не раскачивать лестницу, он спустился на этаж, а потом, ухватившись за крепкие ставни, юркнул в окно. Сейф был огромен и в полумраке комнаты выглядел зловеще. Имел три замка, два из которых можно было отомкнуть за пять минут. Савелий несколько раз уже проникал в эту комнату и сумел подобрать к ним отмычки, но вот третий оказался потайным и с хитроумным секретом. Он выпирал из двери огромным штурвалом, и нужно было прокрутить колесо в определенной последовательности,